

Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М., 2005.

Яданова К.В. Обрядовые тексты алтайских шаманов в записи А.В. Анохина // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: Материалы междунар. науч. конф., посвящённой 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.-А. Кастрена (1813–1852) (Абакан, 25–28 сентября 2013 г.) / Отв. ред. А.Д. Каксин. Абакан, 2013. С. 248–251.

А.К. Бидинова

Некоторые фонетические и морфологические особенности народных песен теленгитов и тубаларов*

Аннотация. Народные песни теленгитов и тубаларов отражают специфические особенности языка на разных уровнях. Текстам песен тубаларов свойственны такие диалектные особенности, как вариативность аффиксов, сохранение древних форм. В песнях теленгитов прослеживаются специфические черты в области фонетики: упрощённые и стяжённые формы аффиксов, оглушение согласных в некоторых позициях.

The folk songs of Telengit and Tuba reflect specific features at different language levels. Characteristic for the song texts of Tubalars are such dialect features as variability of affixes and preservation of ancient forms. Traced in the songs of Telengits are peculiar features in the field of phonetics: simplified and contractions of affixes, devocalization of consonants in certain positions.

Ключевые слова: теленгиты, тубалары, диалект, фонетические особенности, морфологические особенности.

Telengit, Tuba, dialect, phonetic features, morphologic features.

УДК: 398.8(=512).

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2. НГУ, отдел аспирантуры и докторантуры. Тел.: (383)363-41-47. E-mail: aspirant@admin.nsu.ru.

Корпус алтайских народных песен включает в себя песенную лирику разных этнических групп, проживающих в Республике Алтай: алтай-кижи, теленгитов, телеутов, тубаларов, чалканцев и кумандинцев. Детальная расшифровка аудиозаписей песен позволяет точно графически передавать все языковые особенности, которые прослеживаются на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях языка.

В рамках данной статьи нами будут представлены некоторые выявленные фонетические и морфологические особенности песен теленгитов и тубаларов.

По Н.А. Баскакову [1958], язык теленгитов, жителей Кош-Агачского и Улаганского районов, наряду с телеутским и языком алтай-кижи входит в южную группу диалектов алтайского языка (с 1992 г. телеутский язык считается самостоятельным).

Песенный язык теленгитов

Анализ фонетических, лексических и морфологических особенностей языка теленгитов показывает, что он не сильно отличается от алтайского. Специфические черты прослеживаются лишь в области фонетики, что позволяет считать его говором алтайского языка.

Фонетический уровень

На фонетическом уровне яркой чертой, отличающей говор Кош-Агачского и Улаганского районов от говоров алтай-кижи, являются долгие гласные, образованные в результате стяжения комплекса звуков. Вторичная долгота фиксируется в данном говоре чаще, чем в литературном алтайском.

Чаще всего долгота гласных в языке теленгитов возникает в результате выпадения согласного *z* в именных основах в интервокальной позиции: *жабаа* ‘жеребёнок от года до 3-х лет’ (лит. *жабага*), *теерик* ‘круг, круглый’ (лит. *тегерик*).

Кусукту мөштү тайгалар – / Кулун-жабаа⁹ турлусы (129¹⁰) (ср. лит. *жабага*) ‘Тайга с кедровыми орехами – / Стойбище однолетних и двухлетних жеребят’; *Теерик көзи мөлтүрөп, / Мени көрбөй кай*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00128а «Язык фольклора алтайцев: исследование и составление словаря лексики поэтических текстов» (руководитель д-р филол. наук Н.Р. Ойноткинова).

⁹ Полу жирным шрифтом выделены примеры, которые комментируются в статье.

¹⁰ Примеры взяты из рукописи тома «Алтайские народные песни» (сост. М.А. Демчинова), здесь и далее в круглых скобках указаны номера текстов в рукописи.

барар (360) (ср. лит. *тегерик*). ‘Круглыми глазами, полными слёз, сверкая, / На меня посмотрит, куда денется’.

Это явление редко, но встречается в устной разговорной речи алтай-кижи: *Солондыый чеедекти / Сололоп көктөр женейим* (192) ‘Радужное женское одеяние – чегедек / Вышивающая цветочными нитками невестка’.

Констатируются случаи выпадения согласного *г* в интервокальной позиции в аффиксах прошедшего времени на =ган, например: *баспаан* ‘не ходил’, *ойноон* ‘играл’, *отоон* ‘пасся’, *асыраан* ‘кормил’, *бүркеен* ‘покрылся’, *ичпеен* ‘не пил’.

Албатысын асыраан / Анду-кушту Алтайым (102) (ср. лит. *азыраган* ‘кормил’) ‘Народ свой кормивший / Со зверьями-птицами Алтай мой’;

Жылым-кара таиштарлу / Жылтыс бүркеен Алтайыс (103) (ср. лит. *бүркеген* ‘накрыл’) ‘С неприступными чёрными скалами, / Звёздами укрытый Алтай наш’;

Узун тайак тайанып, / Бис жүрбеен јер бар бет? (247) (ср. лит. *јүрбеген* ‘не ходил’) ‘Опираясь на длинный посох, / Неисхоженная нами земля есть ли?’

Отмечаются случаи отсутствия лабиальной гармонии по широкому гласному в языке теленгитов, что наблюдается в алтайском литературном языке в тех же словах, например:

Кошо-кошо отырып, / Кошан чөйиш ойнаактар. / Јаба-јаба отырып, / Јагар чөйиш ойнаактар (614) (ср. лит. *кожонг* ‘песня’, *ойнооктор* ‘поиграем’) ‘Сядься рядом-рядом, / Давайте затынем песню игровую. / Сядься все вместе рядом, / Давайте затынем песню-дьянгар’.

В большинстве случаев отмечается глухое произношение звуков *с* и *ш* в интервокальной позиции, а также в постсонатно-превокальной: *јайсан* ‘зайсан’, *касылып* ‘разрытая’, *улусы* ‘народ=его’, *суусыныс* ‘жажда=наша’, *ариан* ‘целебный источник’, *турсын* ‘стоит пусть’, *мысылдап* ‘сверкая’.

Касылып барган кара јол / Качан бүткеј јолыбыс? / Эбирип јанган албаты / Алтайыстын улусы (35) (ср. лит. *казылап* ‘разрытая’, *улузы* ‘люди=его’) ‘Вытопанная чёрная дорога [наша], / Когда [эта] наша дорога зарастёт? / Из Алтая ушедший народ / Когда-нибудь вернётся ли?’;

Бала тушта ашанган / Балтырганду Алтайус (103) (ср. лит. *ажанган* ‘кормился’) ‘В детстве кормивший нас / Борщевиком своим Алтай наш’;

Ариан-кутук суулары / Суусыныс полгон чагына (135) (ср. лит. *аржан* ‘целебный источник’) ‘Аржан-воды / Утоляющим жажду напитком нам были’;

Агаш-таишту Алтайым / Амыр турсын чактарга (97) (ср. лит. *турзын* ‘стоит пусть’) ‘Лесисто-каменистый Алтай мой / Пусть мирно стоит навеки’.

Эти процессы характерны и для телеутского языка, так, к примеру, вместо слова *јажыл* используется *јашыл*, вместо *јаказы* – *јакасы*:

Јашыл чепкен, эј, јайгандый, эј, / Јакасы сылу Пайадым (115) ‘Зелёным сукном, эј, словно застелены, эј, / Берега красивы у Пайат-реки’.

Встречаются определённые соответствия гласных данного говора с гласными алтайского литературного языка *ы–а, о–а*:

Карагај агыш как агыш, / Каный күйерин билбезим (302) (ср. лит. *агаш* ‘дерево’, *канай* ‘как’, ‘каким образом’) ‘Сосна, берёза – два дерева, / Кто знает, которое из них хорошо горит?’;

Пыйо-онды семирткен / Алыс сынду Алтайым (102) (лит. *пыйанды* – букв. «белого блага», т.е. скота благоносного) ‘Давший белому скоту жиреть, / С укранными [пастбищами] Алтай мой’.

Морфологический уровень

К консонантным основам существительных с лабиализованным гласным внутри в 1-м лице ед. и мн. числа присоединяется аффикс принадлежности с огубленным гласным типа *у; ү; в* то время как литературной нормой считаются нелабиализованные варианты с *ы, и*:

Ўч үйелү јүрүмүс / Ўрелбезин үйеге (308) (ср. лит. *јүрүмис* ‘жизнь=наша’) ‘Трёхступенчатая жизнь наша / Пусть не кончается навека’;

Јакалу тонус эледи, / Оны көктөр ийне јок. / Эмди пойус карыдуус, / Писти көрөр арга јок (484) (ср. лит. *тоныс / тоныбыс* ‘шуба=наша’) ‘Шубы наши с воротниками износились, / Защить их у нас игл нет. / Мы сами состарились, / На нас невозможно смотреть’.

Подобное явление иногда встречается в песенном языке алтай-кижи: *Эне Эртиштин ичинде / Эрезиндү јолус бар* (14) ‘В низовьях Матери-Эртиш / Есть дорога наша вьющаяся’.

Так же их варианты с двойными гласными:

Түлкү ле пычкак пөрүгүс / Түре ле тудуп кийелик. / Элик пычкак өдүгүс / Эптеп тудуп кийелик (616) (ср. лит. *бөрүгис* ‘шапка=наша’, *өдүгис* ‘обувь=наша’) ‘Шапку свою из лисьих лап / Давайте набекрень наденем. / Обувь свою из косульих лап, / Ладом держа, наденем;

Эмдү-томду сууларлу / Эрү турсын Алтайуус. / Эптү јакшы эрмектү / Элүс амыр јатсын ол (235) (ср. лит. *Алтайыбыс / Алтайыс* ‘Алтай=наш’, *элис* ‘народ=наш’) ‘С водами целебными и лечебными / Алтай наш пусть не засорится. / Со словами благодарности и благословения / Народ наш пусть мирно живёт’;

Адоос бистин бар эмес, / Артактап бисти кем сыймаар (436) (ср. лит. *адабыс* ‘отец=наш’) ‘У нас ведь нет отца, / Кто же нас будет нежить-гладить?’

Во 2-м лице мн. числа к именам присоединяются аффиксы принадлежности, образующиеся в результате выпадения заднеязычного *ɣ*, с последующим образованием долгой гласной качественно соответствующей гласной основы:

Амадап турган пу селер / Алкыш сөсдөр айдар не? (558) (ср. лит. *сөзигер / сөзөр* ‘слово=ваше’) ‘Приехавшие к нам с благой целью вы / Скажете ли слова-пожелания?’

В некоторых случаях родительный падеж представлен в усечённом виде: после основ на сонорные *м, н, ң* и глухие согласные опускается начальный *н*, образуется форма =*ын / =ин*:

Кой тереси тонымын / Койны калды, Көк-Кайа. / Коолой чыккан үнимин / Коосы калды, Көк-Кайа (488) (ср. лит. *тонымнын* ‘пальто=моего’, *үнимнин* ‘голоса=моего’) ‘От овечьей шубы моей / Остались только борта, Кок-Кайа. / От певучего голоса моего / Остался лишь отзвук, Кок-Кайа’. После вокальных основ в аффиксе дательного-направительного падежа выпадает начальный *ɣ*, в результате чего образуется долгий гласный:

Алкыш-бийанду сөс айдып, / Албатаа кошкон балдарыс (176) (ср. лит. *албатыга* ‘народу’) ‘Говоря напутственные слова, / Приобшённые нами к народу дети наши’.

Частица *чы / чи*, выражая безразличие, сожаление, утверждение, желание, встречается в некоторых говорах алтайского языка. Данная частица сочетается с глаголами в форме сослагательного наклонения, выражая желание говорящего:

Айга түңгей ак чолмон / Ай алтында турза чы. / Айдышалан баланын / Айылы мында болзо чы. / Күнге түңгей күн чолмон / Күн алтында болзо чы. / Күүним јеткен көөркийек / Күнүн мында болзо чы (345) ‘Белая звезда, подобная луне, / Стояла бы [всегда] под луной. / Возлюбленной моей / Дом был бы здесь. / [Красная] звезда, подобная солнцу, / Стояла бы [всегда] под солнцем. / Милая моя желанная / Была бы каждый день здесь’.

Такая частица встречается и в телеутских и тубаларских песнях:

Пурма јалду пурул ат / Пуруп оромго јортсом чы (365) ‘На буром коне с вьющейся гривой / Ездить бы мне по улицам’;

Ишкен суум пу Сурёу / Эвин ок сайлу болзо шы. / Јаткан ак јерим тайга јер / Алтын ок таишый болзо шы (143) ‘Река, из которой я пью, это Суруу, / Была бы с мелкой галькой. / Земля, где я живу, таёжная земля, / Была бы [она] с золотиносными камнями’.

Песенный язык тубаларов

Язык черневых татар – туба-кижи – относился к северной группе диалектов алтайского языка наряду с кумандинским и чалканским. С 1993 г. признан самостоятельным языком.

Фонетический уровень

Опираясь на работу Н.А. Баскакова «Диалект черневых татар (туба-кижи)» [1966], мы выделяем следующие фонетические особенности в народных песенных текстах туба.

В языке туба в начальной и конечной позиции в слове фонемы *п* (*б*) и *т* (*д*) представлены двумя недифференцированными вариантами – глухими и звонкими *п // б* и *т // д*, которые варьируют в зависимости от позиции слова в потоке речи.

В изолированных словах в начальной и конечной позиции эти фонемы реализуются в глухом варианте: *Туйук карам јыш пүткен / Туулаарнын јаражы* (ср. алт. лит. *бүткен* ‘созданный’) (85); *Топшугурдым кылы пар, / Кожондоп јорсо бу керек* (ср. алт. лит. *бар* ‘есть’) (138) ‘У топшуура моего струны есть, / Воспеваю песней [свою землю] я’; *Ишкен суум пу Сурёу / Эвин ок сайлу болзо шы* (ср. лит. *бу* ‘это’) (143) ‘Река, из которой я пью, это Суруу, / Была бы с мелкой галькой’; *Эки аймактын паласы / Каттышын ок конгон јурт омок* (ср. лит. *балазы* ‘ребёнок=его’) (177) ‘Двух народов детьми / Совместно созданная жизнь весела’; *Такпактап айткан сөзимнин / Пирсы да калзын паларга – тийт* (301) ‘Из слов моих, сказанных такпаком, / Хоть одно пусть запомнится детям – говорит’; *Ада Обнни кечере / Арык та тесе ат керек* (310, вар. 3) ‘Чтобы Отец-Обь переходить, / Хоть и худой, но конь нужен’.

Аллофон фонема [*п* (*б*)] в интервокальной позиции внутреннего или внешнего сандхи переходит в губно-губной спирант *в*: *Карлагаиштын уйазы / Катү кайа кывында* (356) ‘Детёныш птицы-ласточки / В расщелине твёрдой скалы, говорят’; *Алтын танам таткабас, / Айдышканым уравас. / Күмүш*

танам *кулкабас*, / *Күзешкеним уравас* (381) ‘Золотая моя накосная тана-пуговица не заржавеет, / Помолвленный мой [от меня] не отдалится. / Серебряная моя накосная тана-пуговица не почернеет, / Желанный мой [от меня] не отдалится’; *Кара тааштын бажына* / *Каранат салдым, јевединг.* / *Кара көстү баланы* / *Каравалдым, келвединг* (ср. лит. *јубединг* ‘не ел’, *келбединг* ‘не пришёл’) (446) ‘На верхушку чёрного камня / Положил чёрную смородину, ты не ела. / Ты, черноглазая девушка, / Смотрел на тебя и ждал я, ты не пришла’.

Фонема [м] в туба-диалекте представлена одним вариантом – звонким сонорным губно-губным звуком *м*, встречается в любой позиции. В некоторых словах языка туба *м* замещает *п* // *б*, характерные для алтайского и некоторых других тюркских языков: *Једирвес те төрөөн мар*, / *Качан да айылдап јарарым* (ср. лит. *бар* ‘есть’) (224) ‘Неповидавшиеся родственники есть, / Когда-либо я у них погощу’.

В то же время общетюркский *м* в некоторых словах туба соответствует *б* // *в*: *Пеличекте пеш кайын* / *Пешилеси тенг эвес.* / *Пешкарындаш өскөвис,* / *Пастыра сагыш тенг эвес* (269) ‘На склоне пять берёз, / По росту они разные. / Мы пять братьев выросли, / У всех мысли разные’; *Педер пажы пеш сөөк,* / *Айвак киши ол йесин* (ср. алт. лит. *аймак* ‘район’) (547) ‘У педер пескаря голова из пяти костей, / Чужие люди пусть его едят’; *Кара таунын алдына* / *Карвак салдым, кап[п]ады* (ср. лит. *кармак*) (445) ‘У подножия островерхой Чёрной горы / Ставил сети [в реке], [рыба] не ловится’.

Между гласными и после сонорных согласных *с* озвончается, хотя параллельно встречается в этой же позиции и глухой оттенок: *Карылык күнде кыйгырса,* / *Кас үнине ју йетсин* (ср. алт. лит. *кыйгырза* ‘если закричит’) (213) ‘Если в снежную погоду закричит, / То с голосом гуся что сравнится’.

Фонема [й] (*дь, ть, нь, кь, гь*) в зависимости от позиции в слове в туба-языке реализуется в различных вариантах. Так, древнетюркский «й» в алтайском литературном языке в инициальной позиции соответствует *ть* // *дь*, в туба-языке кроме *ть* // *дь* встречаются также *й* // *нь*:

Ньянмыр, ньянмыр јаап јат, / *Менин пажым чүүлип јат* (ср. лит. *јанмыр* ‘дождь’) (173) ‘Дождь, дождь идёт, / У меня голова промокает’; *Кайран ньонго не керек?* – / *Омок јадар јурт керек* (ср. лит. *јон* ‘народ’) (290) ‘Милому народу что нужно? – / Весёлая жизнь нужна’; *Јарык кеве кечкенче,* / *Йар йагалап јүрейин.* / *Йаман кишее парганча,* / *Јашына айда јүрейин* (392, вар. 7) ‘Чем переплывать на лодке худой, / Я пойду по краю оврага. / Чем выходить [замуж] за пресловутого негодника, / Одинокой я буду [жить]’; *Чортон пажы чомну йал,* / *Адам-акам ол йесин.* / *Педер пажы пеш сөөк,* / *Айвак киши ол йесин* (547) ‘У щуки голова мясистая, / Отец с матерью мои пусть её едят. / У пескаря голова из пяти костей, / Чужие люди пусть его едят’; *Сүрүн берер малым йокто* / *Сүүген эштен астыктым* (445) ‘Не имея скота, чтобы пригнать и отдать, / С любимой подругой расстался я’.

В середине слова древнетюркский *ч* реализуется в *ш* // *шь*: *Таайым кызы – тай эшем,* / *Тайымай да тайымай.* / *Тарынмазан, тай эшем,* / *Айактан чайым ич, чайым ич,* / *Тайымай да тайымай* (ср. лит. *эјем* ‘сестра, тётя’) (527) ‘Дочь дяди моего – тётя моя, / Тётя моя, да, тётя моя. / Не сердись, моя тётя, / Из чашки пей мой чай, пей мой чай, / Тётя моя, да, тётя моя’.

Фонема [ч] в анлауте в туба-языке реализуется в [ч] // [чь] или [ш] // [шь], в разговорной речи констатируются и те и другие варианты: *Көси йараш көөркийлер* / *Шолышманда ол полтыр* (ср. алт. лит. *Чолушман*) (522) ‘С красивыми глазами милые [девушки] / В Шолышмане, оказывается’. В медиали – в [ш] // [шь]: *Ирене ле сугум сооголбос,* / *Кацан да пирде ижерим* / *Пулат ла тайгам ундулбас.* / *Кацан да пирде ажарым* (ср. алт. лит. *качан бирде* ‘когда-нибудь’) (138) ‘Ирене река моя не засохнет, / Когда-нибудь я из неё буду пить. / Тайга моя Пулат не забудется, / Когда-нибудь я её перевалю’; в [ж] // [жь], например: *Карлагааштын палазы* / *Канады тындай ол узор* (ср. алт. лит. *учар* ‘летать’) (106) ‘У ласточкиного птенца / Крылья окрепнут – полетит’.

В языке тубаларов встречаются параллельно и исторически более древние сочетания гласных с согласным *г*, и дифтонги: *Эки ле тагнын өленги* / *Пириктире ак јикен мал омок, ий* (177) ‘Двух гор траву / Смешивая, питавшийся табун веселей’; *Кара таунын алдына* / *Карвак салдым, кап[п]ады.* / *Сүүри таунын алдына* / *Сүүген соктым, түшпеди* (ср. лит. *туу* ‘гора’) (445) ‘У подножия чёрной горы / [В реку] закинул удочку, [рыба] не клюёт. / Не имея скота, чтоб собрать и отдать, / Со своей желанной подругой расстался я’; *Топшугурдым кылы пар,* / *Кожондоп јорсо бу керек* / *Кылала ла йерим ундулбос,* / *Топшугур согум ундулбас.* / *Топшугурум кылы бар?* / *Кожондоп јорсо бу керек* (ср. лит. *топшугур*) (138) ‘У топшура моего струны есть, / Воспеваю песней [свою землю] я, / Земля Кыла моя не забудется, / Умение играть на топшуре не забудется’.

Явление делабиализации гласных, которое встречается во многих тюркских языках в разной степени, имеет место и у тубаларов: *Эки кылагы сертейген* / *Элик ак кайда полды ийин* (ср. алт. лит. *кулагы* ‘ухо=его’) (203) ‘Подрагивая обоими ушами, / Косуля где же стоит?’

Кроме того, в данном языке нередки случаи, когда в некоторых словах нелабиальные узкие гласные под влиянием различных факторов факультативно переходят в соответствующие огубленные: *Келишкенинг бар болзо, / Кеч алына ундуба* (ср. лит. *ундыба* ‘не забывай’) (257) ‘Если нашёл подходящую девушку, / Под вечер [о ней] не забывай’.

Морфологический уровень

Яркой чертой народных песен тубаларов является использование вопросительного местоимения *жу* // *дьюу*: *Карылык кунде кыйгырса, / Кас унине жу йетсин. / Каттышып келип жууктаиуса, / Карындаш кишее жу йетсин* (213, вар. 17) ‘Если в снежную погоду закричит, / То с голосом гуся что сравнится. / Если после долгой разлуки снова встретятся, / То лучше брата кто может быть’; *Кара косту кӧӧркийин / Менде жуны кӧрди ийин? / Сары шырайлу кӧӧркийин / Менде жуны кӧрди ийин?* (506) ‘Рыжеголовая птичка / Нашла ли в яру гнездо? / Светлоликая милая / Что же увидела во мне?’

Характерной особенностью в оформлении винительного падежа является употребление вариантов *=ны* // *=ни*: *Кожо жүрген балдарны / Мен кокпырлап айдайын* (ср. алт. лит. *балдарды* ‘детей’) (502) ‘С ребятами, что рядом со мной, / Я поговорю шутя’; *Кара сапту камчымны / Кара сууга сукпалар* ‘С чёрной рукоятью плеть мою / В чёрную воду не окунайте’ (ср. лит. *камчымды* ‘плётку=мою’) (509); *Кайыр сууды кечере / Арык та болзо, ат керек* (310) ‘Чтобы перейти через бурную реку, / Нужен конь, хоть и худой’.

Подытожив вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Песни теленгитов и тубаларов отражают диалектные черты их языков. Это проявляется в фонетике и морфологии.

В песенных текстах теленгитов зафиксированы: а) долгота гласных, образующаяся в результате выпадения согласного *з* в именных основах и в аффиксах глаголов прошедшего времени на *=ган* в интервокальной позиции; б) случаи несовпадения с закономерностями губной гармонии гласных алтайского языка; в) характерные, систематические соответствия некоторых гласных и согласных данного говора с гласными и согласными алтайского литературного языка.

Для теленгитского диалекта также свойственны варианты стяжённых форм аффиксов принадлежности, падежных аффиксов и частицы, выражающей значения, не свойственные алтайскому литературному языку.

У тубаларов в песенных текстах наблюдается: а) фонетическое варьирование звуков *п* // *б*, *т* // *д*, *й* и *ч* в зависимости от позиции в слове; б) соответствие оттенков фонемы [м] языка туба звукам *п* (*б*) алтайского языка и некоторых других тюркских языков; в) переход общетюркского *м* в *б* // *в*; г) параллельное использование *с* и *з* интервокальной позиции.

Для песен тубаларов свойственны: а) наиболее древние сочетания гласных с согласным *з* и дифтонги; б) случаи перехода нелабиальных узких гласных в огубленные; в) делябиализация гласных.

В области морфологии наблюдается употребление вариантов *-ны* / *-ни* винительного падежа и вопросительного местоимения *жу*.

Бабушкин Г.Ф. О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта алтайского языка // *Вопр. диалектологии тюркских языков*. Баку, 1966. Т. 4. С. 167–177.

Баскаков Н.А. Очерк грамматики ойротского языка. М., 1947.

Баскаков Н.А. Алтайский язык: Введение в изучение алтайского языка и его диалектов. М., 1958.

Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1965.

Грамматика алтайского языка. Сост. Членами алтайской миссии. Казань, 1869.

Диалекты тюркских языков. М., 2010.

Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М., 1940.

Кучигашева Н.А. Теленгитский диалект алтайского языка // *Ученые записки. Горно-Алтайск*, 1961. Вып. 4. С. 57–72.

Сарбашева С.Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004.